

Alferova N. S. Interrogative sentences in american poetic speech of the XXth century.

The article focuses on the functioning of interrogative sentences as text-forming and meaning-forming means of versification registered in American poetry of the XX century. Interrogative sentences constitute the most emotional parts of poetic texts and provide the shifts of the theme and multiple interpretations of the text, thus implementing their text-forming and meaning-forming potential.

Key words: interrogative sentences, text-forming function, meaning-forming function, shifts of theme, multiple interpretation.

УДК 81'42

И. Н. Кошман

АНТРОПОНИМЫ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УКРАИНЫ

Как известно, собственные имена как языковые знаки, лексемы и грамлеммы столь специфичны, что исследование их осуществляется в рамках особой научной дисциплины — ономастики. Собственные имена представляют собой вторичные знаки для денотатов, уже имеющих именованья — первичные знаки. Вторичные знаки этого типа непосредственно соотносятся с денотатом. И это обстоятельство обуславливает особенности в выполнении именами собственными номинативной функции — они являются единственными наименованиями реалий. И служат для «выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1, с. 473].

Принципиальную важность приобретает утверждение о том, что онимы являются носителями информации, которая «распадается на ряд самостоятельных типов: информацию речевую, языковую и энциклопедическую» [2, с. 56]. Как подчеркивает А. В. Суперанская, языковая информация относится к труднодоступной и включает в себя разнообразные аспекты — такие, как языковая принадлежность; модель; лексическое значение основы; структурное значение форманта; специфика инициалей, финалей и медиалей; особенности ударения и тона; особенности членения на значащие элементы; грамматические отношения компонентов онима; отношение говорящего к именуемому объекту [2, с. 56].

Следствием такого положения дел является то, что как лексема собственное имя обладает специфическими семантическими

особенностями. А. В. Суперанская пишет о том, что «до известной степени правы те, кто ограничивает семантику имен собственных тем, что это — имена собственные» [3, с. 257]. Вопрос о значении собственного имени — предмет широкого обсуждения как в лингвистической традиции, так и в современных исследованиях. Диапазон предлагаемых решений достаточно широк — от полного отрицания значения до признания его чрезвычайной сложности в сравнении со значением нарицательных имен [3, с. 261—265; 4, с. 22—27]. А. В. Суперанская отмечает, что в определении значения имени собственного важную роль играет то обстоятельство, что этот тип лексем обладает социальной значимостью: «значение имени собственного — фактор его известности, фактор общественно-исторический». Поэтому она считает, что «помимо чисто лексического компонента, в его значение входят и компоненты экстралингвистические» [3, с. 266].

Большое значение в связи с рассматриваемой проблемой приобретает выделенная вслед за В. Н. Топоровым категория «ономастическое пространство», которое представляется континуумом, включающим собственные имена реальных, вымышленных и гипотетических объектов. Ономастическое пространство, являясь сложной сущностью, может быть подвергнуто разным типам членения. Естественным и очевидным типом выступает тематическое членение — разделение на ономастические области. Внутри таких областей, в свою очередь, на основе совокупности семантических признаков обособляются особые системы — ономастические поля. Наряду с тематическим членением, возможны хронологическое членение ономастического пространства — изучение его «глубины», национально-культурное — описание онимов конкретного этноса [3, с. 141—148; 4, с. 30—33].

Социальная детерминация имен собственных обуславливает тот факт, что заполнение ономастического пространства зависит от конкретных политических, экономических и культурных ситуаций. Характеризуясь определенной преемственностью, континуум ономастического пространства между тем изменяется вместе с изменением социально-политических и культурных условий.

Очевидно, что в условиях сосуществования на одной территории нескольких языков одно ономастическое пространство получает отдельное отражение в каждом из этих языков и, таким образом, приобретает вид некоторой упорядоченной совокупности соотносительностей. Для описания подобных ономастических ситуаций В. Шпербер предлагает базовое понятие «пара названий». Парой названий он считает «наличие двух имен <...> для одного и того же объекта» [5, с. 384]. Подчеркивается, что пары названий различаются и по лингвистическим (структура и тип соотношения) и экстралингвистическим (время возникновения) признакам. Однако

существенным свойством этих пар является то, что «для двуязычных индивидов именные пары — это не следствие случайного двойного именования; напротив, эти пары выполняют вполне определенную функцию, гармонически включаясь во всеохватывающую систему отношений элементов обоих языков» [5, с. 387]. В. Шпербер пишет о четырех способах возникновения пар названий — заимствовании, переводе, частичном переводе и независимом именовании (возникновение онима без взаимного влияния) [5, с. 384].

Сосуществование на протяжении длительного времени украинского и русского языков объясняет наличие соотносящихся ономастических пространств. Становление параллельных ономастических пространств в данном случае происходит всеми выделяемыми В. Шпербером способами. Например, пара топонимов *Товсте* — *Толстое* и пара названий военной кампании *Вітчизняна війна* — *Отечественная война* возникают как результат перевода; пара топонимов *Підгайці* — *Подгайцы* — как результат частичного перевода; пара топонимов *Відень* — *Вена* и пара астронимов *Чумацький шлях* — *Млечный путь* — как результат независимого именования, а пара топонимов *Коломия* — *Коломыя* — как результат заимствования. Следует подчеркнуть, что процесс заимствования ономастических единиц обычно сопровождается их графико-фонетическим, семантическим и грамматическим освоением.

Цель данного сообщения состоит в том, чтобы описать современные тенденции, характеризующие одно из соотносящихся ономастических полей — поле личных имен людей, представленное в русских публицистических текстах Украины. Материалом для исследования служат тексты газет и журналов на русском языке, издающиеся в Украине.

Поскольку языковая сущность собственных имен состоит в их «закрепленности» за отдельными внеязыковыми реалиями и, как следствие, эти единицы обычно трактуются как неперебиваемые [6, с. 137—152], следовало бы ожидать, что и при формировании соотносящихся украинского и русского ономастических пространств будет преобладать способ заимствования. Другими словами, перемещение украинских элементов в русский язык будет осуществляться посредством транскрибирования. Однако это не совсем так. Как отмечает А. В. Суперанская, причина кроется в том, что языки являются близкородственными. Она пишет, что «близкое родство языков (например, славянских или германских) создает впечатление, что нидерландское слово в немецком языке или украинское в русском — это свое, но по каким-либо причинам имеющее некоторые отличия в произношении или написании от прочих однокоренных слов. Слова, заимствованные из близкородственных языков легко входят в

принимающий язык и подвергаются в нем изменениям, диктуемым системой последнего» [2, с. 140].

Каждый из сосуществующих языков (украинский и русский) формирует ономастическое пространство, которое находит отражение в соответствующих кодифицирующих источниках, закрепляется в официальных документах — в свидетельствах, паспортах и других двуязычных бумагах — и функционирует в текстах на соответствующем языке. Например, материалы «Нового російсько-українського словника-довідника» [7] выявляют такие пары соотносящихся именованных, которые входят в ономастическое поле личных имен людей:

<u>Русское ономастическое поле</u>	<u>Украинское ономастическое поле</u>
Александр	Олександр; <i>разг.</i> Олесь, Лесь
Алексей	Олексій, Олекса
Андрей	Андрій
Василий	Василь
Вера	Віра
Григорий	Григорій, Григір; <i>разг.</i> Григор, Грицько, Гриць, Ригір, Ригор
Дмитрий; <i>реже</i> Димитрий	Дмитро
Евгений	Євген; <i>реже</i> Євгеній
Екатерина; <i>разг.</i> Катерина	Катерина; <i>разг.</i> Катря
Константин	Костянтин, Кость
Мария; <i>разг.</i> Марья	Марія, Марійка
Михаил; <i>разг.</i> Михайла, Михайло	Михайло
Наталья и Наталья	Наталія, Наталя, Наталка
Николай; <i>реже</i> Никола	Микола; <i>реже</i> Миколай
Павел	Павло
Юрий	Юрій; <i>разг.</i> Юрко

Очевидное сходство названий в парах объясняется общим для украинского и русского языка источником формирования именного фонда, а различия указывают на своеобразное развитие в каждом из языков.

Вместе с тем, в русских текстах Украины новейшего времени отчетливо проявляется тенденция к перераспределению антропонимов в описываемых ономастических полях, что свидетельствует о том, что сформировавшиеся ранее и получившие кодификационный статус соотношения в парах личных имен людей разрушаются. На место

упорядоченного разделения ономастических полей приходит смещение, обусловливаемое причинами нелингвистического характера.

Ранее украинские антропонимы употребляются в русских текстах (т. е. нарушают установившееся украино-русское распределение) в исключительных случаях — главным образом, в переводах художественной литературы с украинского языка или как номинации отдельных известных украинских деятелей культуры. Интересный материал для наблюдений такого рода представляет «Литературный энциклопедический словарь». В нем весьма ограниченный круг украинских литераторов именуется украинским антропонимом (при этом в словарную статью обязательно включается разъяснение — русское парное имя). Например: *Бажан Микола (Николай) Платонович, Гончар Олесь (Александр) Терентьевич, Кулиш Микола (Николай) Гуриевич, Тычина Павло (Павел) Григорьевич*. Но наряду с этим — *Винграновский Николай Степанович, Грабовский Павел Арсентьевич, Павлычко Дмитрий Васильевич, Загребельный Павел Архипович, Коцюбинский Михаил Михайлович, Стельмах Михаил Афанасьевич, Стефаник Василий Семенович* украинским антропонимом не именуются [8].

Итак, во-первых, в современных русских контекстах значительно расширяется круг лиц, которые именуется украинским антропонимом из соотносящейся пары названий. В него включаются политические и общественные деятели (что было совершенно невозможно ранее), широкие круги (не только писатели) украинской интеллигенции и, наконец, рядовые граждане. Например: *Евген Михайлович встретил меня на пороге, и я сразу потеряла дар речи — на нем была потрясающая вышиванка черного цвета* (С 2004, 6.11); *Украинский проект назывался «Мы дети твои, Украина», его автором стал черкасский художник Микола Бабак* (ВХ 2005, 20.07); *Например, новая книга Наталки Сняданко — это, по сути, продолжение ее «Сезонного розпродажу блондинок»...* (П 2007, № 18); *А в воскресенье Павло Загребельный праздновал день рождения...* (ГК 2007, 27.06); *Мой дед — Андрий, сельский учитель, в 20-х годах был депутатом польского Сейма* (Ф 2007, № 22); *Хотя нардеп-«бютовец» Олекса Гудыма уже высказал предположение...* (П 2008, № 4); *Так вот мы с односельчанами Владимиром Лыхолитом и Грицьком Громко обошли все дворы...* (ЗН 2007, № 48); *В этом году дочь Светланы Викторовны Марийка будет Елочкой* (ВХ 2008, 22.12); *Юрко даже подарил мне песню* (Н 2009, 22.04); *«Мы снизили цены на А-95 в связи с рекомендациями АМКУ», — признался начальник пресс-службы «Концерн «Галнафтогаз» Олесь Пограничный* (ВХ 2009, 29.05).

Свидетельством того, что существовавшие соотношения в именных парах разрушаются, является употребление в текстах украинских неофициальных личных имен: *Много лет он и его жена Маричка сэкономили каждую копейку, чтобы осуществить задуманное*

(ЗН 2005, № 36); *Приходит ко мне недавно Сашико Билокур...* (ЗН 2006, № 32); *Три года назад в семье Матвиюков появилась Иванка...* (С 2007, 7.12); *Колеса, телеги, окна, двери и многое другое для людей делал сельский плотник Михаил. А Иванко помогал* (ГУ 2008, 26.07); *Например, Петрик пасет овец; или играют трое музыкантов; бабы о чем-то болтают у колодца* (Д 2009, 18.03). А также (пока не очень частые) случаи использования украинского имени как номинации исторических деятелей, которые ранее именовались русским соответствием: *До 1944 г. в лагере находился и лидер еще одного крыла ОУН Андрий Мельник* (ЗН 2006, № 41); *В здании фонда на улице Пилипа¹ Орлика экс-президент собрал людей разных политических взглядов* (С 2007, 23.06); *Полк назвали именем украинского патриота, соратника Ивана Мазепы атамана Кости Гордиенко кошевого Запорожской Сечи, который более 200 лет назад благословлял и отпускал запорожских казаков в ряды повстанцев Киндрата Булавы на Донец и Айдар* (Д 2009, 4.07).

Особо следует оговорить использование антропонима *Катерина*. Как следует из словарной статьи, эта форма входит и в русское, и в украинское ономастическое поле личных имен. Однако ее место в этих полях различно: в русском поле — это «вторичный», разговорный вариант (и, следовательно, неуместный при именовании в официальных ситуациях); в украинском поле — это основной вариант имени. Таким образом, использование имени *Катерина* в русских текстах как именованного лица в официальной ситуации — еще один аргумент, доказывающий разрушение традиционного соответствия в парах антропонимов описываемого поля: *Как известно, воплощением в жизнь этой благородной идеи занимается Катерина Ющенко, возглавляющая Благотворительный фонд «Украина 3000»* (ФК 2007, 06.09); *Сестры Алена и Катерина Бондаренко и их соратницы по национальной сборной Украины буквально на глазах растут по уровню игры и, как следствие, в мировом рейтинге* (К 2007, №34).

Во-вторых, в русских текстах намечается тенденция к фонетизации описываемых онимов: отчетливо стремление к транскрипционной передаче личного имени — такой способ представления, который максимально приближает антропоним к оригинальному (украинскому) звучанию. Например: *Роман Скрыпин, Микола Вересень, Игорь Слисаренко, Сергей Рахманин — это далеко не полный перечень представителей звездной журналистики* (ЗН 2005, № 6); *И создают они более оригинальный и органичный художественный интерьер для «Евровидения» (именно в Киеве), нежели «то», что натворил малоизвестный креативщик Михайло Илько* (ЗН 2005, № 19); *Грыць Гирчак пел здесь лагерные песни* (ЗН 2006, № 27); *В этом здании живут поэт и Герой Украины Дмытро Павлычко, генерал-майор*

Альберт Диченко <...> — заслуженные и уважаемые люди (ГК 2007, 28.09).

Фонетизация приводит к тому, что в русском соответствии украинскому ономастическому полю имен развивается вариантность. При этом очевидно, что «новый» вариант, по сути, является аналогом украинского соответствия. А это свидетельствует о функциональном перераспределении в ономастическом пространстве «в пользу украинизмов» — украинские антропонимы теснят русские соответствия.

Действие указанной тенденции, видимо, обуславливает и изменения в употреблении еще одной разновидности антропонимов — отчеств. Как известно, отчества и в украинском, и в русском языке представляют собой производные от личных имен. Функционирование украинских имен в русском тексте открывает возможность для появления в них украинских соответствий русским отчествам. Пока этот вид онимов представлен единичными примерами: *А под столом нераспечатанные упаковки с двухтомными «Спогадами» — автобиографической книгой Омеляна **Мыколовича**...* (ЗН 2004, № 40); *Борис **Йосипович**, кроме этой работы, занимается и подвижничеством: а именно — парламентским хором* (2000 2005, № 26).

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о разрушении существующих прежде соотносительностей между украинским и русским парными ономастическими полями личных имен людей. Пожалуй, наиболее важным следствием является то, что транскрипционный способ именованья «обнажает» языковую и, как следствие, энциклопедическую части информации, которую несет имя собственное. Транскрипционная передача маркирует языковую принадлежность антропонима и, таким образом, передает существенную энциклопедическую информацию.

Вместе с тем, современная тенденция к транскрипционной передаче украинских личных имен в русском тексте, их фонетизация, порождает вариантность в публицистических текстах. Существование вариантов не может быть стихийным, оно должно войти в нормативное поле. Практическая орфография делает необходимой нормативную оценку «новых» вариантов и выработку таких подходов, которые бы отражали актуальные тенденции.

Литература и примечания

- 1. Лингвистический** энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
- 2. Суперанская А. В.** Теоретические основы практической транскрипции: монография / А. В. Суперанская — М.: Наука, 1978. — 282 с.
- 3. Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного: монография / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
- 4. Бондалетов В. Д.** Русская ономастика: учеб. пособ. /

В. Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с. **5. Шпербер В.** К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице (Названия урочищ) // Новое в лингвистике : сб. науч. статей / [сост. В. Ю. Розенцвейг]. — М. : Прогресс, 1972. — С. 383—397. — (Языковые контакты; вып. 6). **6. Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика : учеб. пособ. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — 192 с. **7. Новий** російсько-український словник-довідник / С. Я. Єрмоленко, В. І. Єрмоленко, К. В. Ленець, Л. О. Пустовіт. — К. : Довіра, 1996. — 797 с. **8. Литературный** энциклопедический словарь / [под общ. ред. В. М. Кожемякина, П. А. Николаева]. — М. : Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с. **9. Советский** энциклопедический словарь / [гл. ред. А. М. Прохоров]. — М. : Сов. энциклопедия, 1983. — 1600 с.

¹ Ср.: Орлик Филипп [9, с. 935].

Кошман І. М. Антропоніми в російських публіцистичних текстах України.

У статті йдеться про актуальні тенденції, що характеризують функціонування українських антропонімів — особистих імен людей — у російських публіцистичних текстах України.

Ключові слова: ономастичне поле, пара назв, антропонім, транскрибування, фонетизація.

Кошман И. Н. Антропонимы в русских публицистических текстах Украины.

В статье рассматриваются актуальные тенденции, характеризующие употребление украинских антропонимов — личных имен людей — в русском публицистическом тексте.

Ключевые слова: ономастическое поле, пара названий, антропоним, транскрибирование, фонетизация.

Koshman I. N. Anthroponyms in the Russian language publicistic texts of Ukraine.

The article deals with the latest tendencies of the use of Ukrainian anthroponyms, i.e. human proper names, in the Russian publicistic texts.

Key words: onomasiological field, name pair, anthroponym, transcription, phonetization.